

Взгляд Васманна на происхождение человѣка.

(Окончаніе ¹⁾).

7.

Вопросъ о побочныхъ основаніяхъ десцендентной теоріи.

Теорія, утверждающая происхождение высшихъ органическихъ типовъ отъ низшихъ путемъ эволюціи, не имѣетъ для себя прямыхъ основаній и не дала доселѣ правдоподобной исторіи ни одного рода. Она и аппелируетъ главнымъ образомъ не къ прямымъ, а къ *побочнымъ* даннымъ. Поучительно разсмотрѣть эти побочныя данныя.

Прежде всего займемся разсмотрѣніемъ данныхъ, представляемыхъ эмбриологіею. Сущность основаній, заимствуемыхъ эволюционистами изъ эмбриологіи, состоитъ въ томъ, что, такъ какъ онтогенический процессъ (процессъ индивидуальнаго развитія) отражаетъ въ себѣ процессъ филогенический (процессъ родового развитія), и такъ какъ зародышъ человѣка въ различныхъ стадіяхъ своего развитія бываетъ похожъ послѣдовательно на различные животныя типы, начиная отъ низшихъ и восходя къ высшимъ, то значить, отъ этихъ животныхъ типовъ онъ и произошелъ. Но во 1) дѣйствительно ли онтогенический процессъ служитъ отраженіемъ процесса филогеническаго, это еще не доказано. Существуютъ даже нѣкоторыя основанія отрицать это, именно слѣдующія: а) зародышъ всякаго животнаго въ своемъ развитіи бываетъ похожъ только на очень немногія формы низшія; между тѣмъ какъ по теоріи эволюціи онъ долженъ бы

¹⁾ См. „Богосл. Вѣстн.“ Июль-Августъ, 417—450 стр.

быль проходить безчисленное количество низшихъ формъ. Далѣе, даже и съ немногими то формами его сходство бываетъ не безусловно, а ограничено только немногимъ числомъ признаковъ: походя въ одномъ какомъ нибудь отношеніи, положимъ, на рыбу, зародышъ въ тоже время имѣетъ признаки исключительно присущіе млекопитающему. По теоріи эволюціи этого быть бы не должно. б) Процессъ развитія различныхъ животныхъ далеко не одинаковъ. Такъ всѣ млекопитающія развиваются совершенно иначе, чѣмъ безпозвоночныя. „У млекопитающихъ прежде всего появляется сердце, вскорѣ затѣмъ, артеріи и вены, спустя немного, нервная система и, наконецъ, пищеварительный каналъ. У безпозвоночныхъ порядокъ совершенно измѣняется. Пищеварительный аппаратъ производится раньше органовъ кровообращенія. Иногда случается, что ихъ вовсе не бываетъ въ теченіе долгаго времени независимой жизни молодого животного внѣ яйца“. (Катрфажъ, *Метаморфозы челоуѣка и животныхъ*, стр. 19). По теоріи эволюціи слѣдовало бы признать, что млекопитающія произошли не отъ безпозвоночныхъ, но въ такомъ случаѣ отъ кого же? Вообще то замѣтимъ, что чѣмъ дальше изучается эмбриологія, тѣмъ болѣе колеблется ученіе о прохожденіи высшимъ животнымъ въ своемъ развитіи формъ, отражающихъ низшія. Ученіе Меккеля (своими соображеніями по этому предмету, представлявшего прекрасныя основанія для Геккеля) утверждавшего (въ 1812 г.) что каждый организмъ отражаетъ въ своемъ развитіи всѣ низшія формы, давно отвергнуто. Еще Бэръ показалъ, что не всѣ животныя развиваются однимъ и тѣмъ же путемъ; изслѣдованія послѣ Бэра еще болѣе подтвердили утвержденіе послѣдняго. 2) Но если даже допустить, что въ развитіи зародыша отражаются низшія формы, то и тогда здѣсь, собственно говоря, не много слѣдуетъ въ пользу теоріи эволюціи. Каждый высшій организмъ обыкновенно представляетъ собою непосредственно низшій + нѣкоторый X. Развитие каждаго организма, конечно, должно происходить въ такомъ порядкѣ, что сначала являются у него органы наиболѣе необходимыя для жизни, затѣмъ, менѣе, необходимыя. Понятно, что питаніе должно предшествовать ощущенію и ощущеніе—мысли, существенное должно являться раньше несущественнаго и главное раньше деталей. Отсюда, есте-

ственно, зародышъ высшаго организма въ извѣстныхъ стадіяхъ развитія долженъ отражать въ себѣ низшіе организмы, какъ отдаленные отъ него, такъ затѣмъ и ближайшіе къ нему. Но въ дѣйствительности онъ бываетъ только похожъ на нихъ, а не тождественъ съ нимъ: а) съ самаго начала, вѣдь, у него въ сѣмени заложенъ тотъ X, который отличаетъ его отъ организма низшаго; б) потому что онъ въ дѣйствительности представляетъ собою не просто непосредственно низшій его организмъ +X, а нѣкоторое измѣненіе этого организма +X. Эмбриологія, дѣйствительно, и подтверждаетъ это апіорное соображеніе о зародышѣ. Но въ такомъ случаѣ, очевидно, эмбриологія представляетъ собою весьма шаткую, даже, пожалуй, опасную (если принять во вниманіе сказанное подъ 1, а и b пунктами) опору для теоріи эволюціи; и во всякомъ случаѣ ея указанія въ рѣшеніи вопроса, о происхожденіи человѣка безъ подтвержденія ихъ другими данными не имѣютъ значенія. Обратимся къ этимъ другимъ даннымъ.

Эволюціонисты указываютъ на рудиментарные органы, существующіе у человѣка и представляющіе будто бы собою бесполезное наслѣдіе, полученное отъ отдаленныхъ животныхъ предковъ. Но на самомъ дѣлѣ происхожденіе каждаго изъ рудиментарныхъ органовъ у человѣка можетъ быть объяснено совершенно иначе. Что касается до будто бы рудиментарныхъ мышцъ на лбу и ушныхъ, то онѣ, пожалуй, указываютъ, что люди, вообще, прежде двигали ушами и кожей на лбу, но, вѣдь, несомнѣнно, въ неблагопріятномъ для Дарвина смыслѣ. Движеніе ушами, если могло быть полезно прежде животному предку человѣка или человѣку, то только вертикальное, между тѣмъ какъ оно (какъ показываютъ мышцы) было только горизонтальное, слѣдовательно, бесполезное: движеніе кожи на лбу, понятно, не могло быть полезно ни для животнаго, ни для человѣка. Позволительно поэтому предполагать, что главное назначеніе этихъ мышцъ состоитъ не въ томъ, чтобы сообщать движеніе, а въ чемъ то иномъ, что онѣ играютъ какую-то доселѣ не выясненную роль въ экономіи организма. Маленькій выступъ на ухахъ, указанный Дарвину Уольнеромъ, не представляетъ собою зачаточнаго органа. Исслѣдованія показываютъ, что у нѣкоторыхъ людей такихъ выступовъ бываетъ два. Объясняя,

какъ рудиментъ, одинъ выступъ, мы обязаны также объяснять и другой выступъ, но въ такомъ случаѣ падаетъ теорія Дарвина объ остроконечныхъ ушахъ нашихъ предковъ. Не представляетъ рудимента и ушная раковина. Правда, не доказано, но можно предполагать, что она оказываетъ значительную услугу органу слуха, собирая звуковыя волны и передавая ихъ колебанія оконечностямъ слуховыхъ нервовъ. Это предполагать можно, такъ какъ еще никто не доказалъ противнаго. Полулунная складка около вѣка, въ которой Дарвинъ хочетъ видѣть остатокъ мигательной перепонки, на самомъ дѣлѣ можетъ имѣть совсѣмъ иное значеніе въ экономіи организма. Видѣть въ чувствѣ обонанія рудиментарный органъ по меньшей мѣрѣ несостоятельно, во 1) потому что оно доставляетъ эстетическое наслажденіе черезъ воспріятіе ароматическихъ запаховъ, во 2) потому что оно играетъ роль профилактическаго органа: оно удерживаетъ насъ отъ того, чтобы оставаться въ испорченной атмосферѣ, сообщая о ея зловошіи, оно удерживаетъ насъ, напримѣръ, отъ употребленія въ пищу гнилой рыбы, возвѣщая о совершающихся въ ней процессахъ разложенія. Трудно объяснить существованія волосъ на различныхъ частяхъ тѣла, но эта трудность еще не даетъ основаній утверждать, что они—рудиментарный органъ. Существованія волосъ на головѣ, у мужчинъ—бороды и усовъ доставляетъ эстетическое наслажденіе (въ тропическихъ странахъ волосы защищаютъ отъ зноя), брови охраняютъ глаза отъ развѣдающаго дѣйствія пота. Но зачѣмъ бываютъ волосы на груди, рукахъ, ногахъ и т. д.? Атласистая голая кожа есть требованіе эстетическое, природа, однако, далеко не вполне удовлетворяетъ этому требованію. Какія условія заставляють ее не удовлетворяють ему, когда и гдѣ появляется у человѣка наиболѣе волосъ на тѣлѣ и при томъ волосъ шерстоподобныхъ? Даемъ на это общепризнанный отвѣтъ словами Дарвина: „при условіяхъ ненормальнаго питанія близъ хронически воспаленныхъ поверхностей“. Этотъ отвѣтъ Дарвина едва ли особо благопріятствуетъ его теоріи. У человѣка есть червеобразный отростокъ слѣпой кишки, повидимому, не только безполезный, но даже вредный, должно ли этотъ отростокъ считать рудиментарнымъ органомъ? Основаній для этого нѣтъ, ибо онъ можетъ имѣть какое-нибудь доселѣ невыясненное

физиологическое значеніе; что же касается до указываемаго вреда отъ него, если попадутъ какія-нибудь твердыя тѣла, то вѣдь, съ равнымъ правомъ Дарвинъ и Геккель могли бы указать на вредъ отъ дыхательнаго горла, въ которое, если попадетъ твердый предметъ, то человѣкъ погибаетъ неизбежно. Причину существованія зачаточныхъ женскихъ половыхъ органовъ у мужчинъ и мужскихъ у женщинъ нужно видѣть, какъ это показалъ Келликеръ, въ двуполомъ размноженіи; вѣдь, извѣстно, что зародышъ въ извѣстный періодъ развитія бываетъ одинаковъ, какъ мужской, такъ и женской, половые органы не обозначаются ясно и только впоследствии или мужскіе или женскіе органы выдѣляются и развиваются окончательно. Другіе органы (противоположнаго пола), остающіеся зачаточными,—удѣлъ всѣхъ позвоночныхъ и однако, въ развитомъ видѣ (за исключеніемъ аномаліи) не существуютъ ни у одного позвоночнаго. Если бы эти зачаточные органы были рудиментарными, то они должны были бы имѣть не ту форму, какую имѣютъ теперь, а ту, въ которой они существовали въ отдаленныя времена у отдаленныхъ двуполоыхъ предковъ; однако этого нѣтъ, значить, они вовсе не завѣтъ предковъ потомству. Указываютъ на хвостецъ, существующій у человѣка и будто бы служащій напоминаніемъ о томъ, что человѣкъ былъ нѣкогда одаренъ хвостомъ, но можно, вѣдь, въ немъ и не видѣть этого напоминанія: можетъ быть онъ нуженъ человѣку для сообщенія большей устойчивости его вертикальному положенію (отодвигая къ задѣу центръ тяжести), можетъ быть нуженъ для какихъ-нибудь другихъ цѣлей. Претендуютъ на то, что открыли рудиментарные остатки третьяго глаза у человѣка. Чтеніе этого сообщенія о третьемъ глазѣ невольно вызываетъ нѣкоторое изумленіе передъ тою странною послѣдовательностью развитія органа, которую намѣчаютъ сдѣлавшіе открытіе Кармельтъ и Varignі. У рыбъ глазъ не обнаруживается ясно, у земноводныхъ тоже не обнаруживается, у пресмыкающихся замѣтнѣй всего, у млекопитающихъ остается какая то шишка, очень маленькая. Какимъ же образомъ шло развитіе этого органа? Вѣдь, если онъ исчезъ у млекопитающихъ, то самые слабыя слѣды его должны быть у пресмыкающихся, болѣе замѣтные у земноводныхъ, еще болѣе замѣтные и, можетъ быть, даже прямо са-

мый органъ у рыбъ. Но на самомъ дѣлѣ мы видимъ, развитіе органа, шло по какой то волнообразной линіи, да вдобавокъ самого то органа, вѣдь, нигдѣ и ни у кого не нашли. Относительно этого, какъ его называютъ, пинеального глаза образовались различныя мнѣнія и возникли споры (Лейдига и Лейденфельда), которые пока совершенно устраняютъ возможность ссылаться на этотъ спорный органъ въ доказательство истинности эволюціонной доктрины. (Dollo, L'oeil pinéal. Rev. Quest. Scient. 1888. Janvier. p. 336).

Подведемъ итогъ всему сказанному о такъ называемыхъ рудиментарныхъ органахъ: 1) значеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, наприм., хвоста, лунообразной складки около глаза, нѣкоторыхъ мышцъ для насъ не совсѣмъ ясно; тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ основанія предполагать, что они имѣютъ значеніе въ животной экономіи, только ускользящее доселѣ отъ нашихъ наблюденій, это предположеніе во всякомъ случаѣ не менѣе вѣроятно, чѣмъ предположенія Дарвина; 2) въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, пожалуй, можно предполагать рудиментарные органы: по Дарвину, можно такъ смотрѣть на органъ обонянія у дикарей, что, однако, будетъ свидѣтельствомъ только о томъ, что эти дикари произошли отъ болѣе совершенныхъ предковъ; 3) нѣкоторые такъ называемые рудиментарные органы на самомъ дѣлѣ представляютъ собою патологическое явленіе.

Третій рядъ фактовъ, которые будто бы, по утверженію эволюціонистовъ, представляютъ собою подтвержденіе ихъ теоріи, суть явленія атавизма. Сущность этихъ явленій состоитъ въ томъ, что являются иногда у людей признаки и органы животныхъ. Но кажется, даже признавая гипотезу Дарвина справедливою, нельзя видѣть въ приводимыхъ имъ и другими примѣрахъ дѣйствительно то, что они понимаютъ подъ атавизмомъ, нельзя видѣть въ нихъ возвращенія къ первобытному типу. Возвращеніе къ типу предковъ, дѣйствительно, бываетъ. Рождающіяся дѣти иногда бываютъ похожи не на родителей, а на болѣе отдаленныхъ предковъ: дѣда, прадѣда и т. д.; но можетъ ли атавизмъ заходить далѣе, это не доказано. Факты, отмѣчаемые Дарвиномъ и другими эволюціонистами, имѣютъ причину свою не въ предкахъ, а совсѣмъ въ другихъ обстоятельствахъ. Дѣло въ томъ, что въ зародышѣ, подъ вліяніемъ еще далеко не выяснен-

ныхъ условій, одинъ органъ можетъ развиваться далѣе нормальной величины, другой—не доразвиться. Такъ являются микроцефалы—люди съ весьма малыми головами, такъ являются хвостатые люди вслѣдствіе того, что хвостецъ ихъ продолжалъ развиваться дальше, чѣмъ слѣдуетъ. Отчего это такъ? Мы не пытаемся представить естественно-научнаго объясненія этого факта, но постараемся только показать его возможность нѣкоторой аналогіей. Существуютъ въ организмѣ такъ называемые фагоциты—кльѣточки, пожирающія другія около нихъ лежащія кльѣточки и вырабатывающія изъ нихъ новые органы. Такъ, на примѣръ, у взрослой лягушки исчезаетъ хвостъ черезъ поглощеніе его фагоцитами. У человѣческаго зародыша въ извѣстной стадіи развитія хвостецъ выступаетъ далеко внаружу, въ дальнѣйшемъ излишекъ его исчезаетъ, можетъ быть его поглощаютъ кльѣточки, подобныя фагоцитамъ; представимъ себѣ, что вслѣдствіе какой-нибудь болѣзни дѣйствіе этихъ кльѣточекъ парализуется, тогда хвостецъ остается сильно развитымъ, и человѣкъ рождается съ хвостомъ.

Относительно хвостатыхъ людей нужно, впрочемъ, замѣтить еще, что досель не доказано, чтобы они дѣйствительно были. Тамъ, гдѣ хвостатость была тщательно изслѣдована, оказывалось, что органы называемые хвостами, на самомъ дѣлѣ представляли собою болѣзненное образование иного порядка. Такъ въ концѣ 1874 г. Вирховъ получилъ отъ главнаго врача греческой арміи письменное сообщеніе о нѣкоторомъ человѣкѣ и съ фотографіею его, показывающею, что онъ обильно покрытъ шерстью въ области крестцовой кости. Для главнаго врача этотъ человѣкъ являлся истинно, какъ homo caudatus. Вирховъ уже готовъ былъ опубликовать сообщенія о новомъ случаѣ умноженія и свободнаго выступанія спинныхъ позвонковъ, но полученное въ это же утро новое сообщеніе удержало его отъ этого. Въ Берлинѣ на секцію было представлено женское тѣло, имѣющее на оконечности спины значительно выступающее впередъ мѣсто, покрытое волосами. Точное изслѣдованіе показало, что здѣсь былъ случай такъ называемой Spina bifida occulta, неимѣющій ничего общаго съ атавизмомъ. Мнимый придатокъ былъ только болѣзненнымъ образованіемъ и развитіемъ рудимаго пятна, сильно выдвинувшагося и обильно покрытаго волосами.

Что касается до волосатости людей, то въ ней по самому ученію Дарвина позволительно видѣть ненормальность, но—главное—самый характеръ ея совершенно отрицаетъ атавизмъ. У бирманскаго семейства волосы были особенно обильны и длинны на лицѣ; какимъ же образомъ это явленіе представляетъ возвращеніе къ обезьяньему типу, когда у обезьянь волосы на лицѣ отсутствуютъ, да и вообще нѣтъ никакого животнаго, и никто не зналъ такового въ прошедшемъ, у котораго косы спускались бы со щекъ. Наконецъ, волосатость у бирманскаго семейства соединялась съ крайне слабымъ развитіемъ зубовъ, а слабые зубы далеко не признакъ атавизма. Что касается до волосатой дѣвочки Крао, то хвоста у ней, приписываемаго ей ея антрепренеромъ, не было, сама она по своимъ способностямъ стояла выше многихъ дѣтей ея возраста: она была дѣвочкой съ хорошими способностями. Волосатость ея представляетъ случай *hypertrichosis universalis* и объясненіе ея должно искать не въ атавизмъ, а въ условіяхъ зачатія и утробнаго развитія Крао. Приводятъ примѣръ людей, напоминающихъ собою овцу, гуся, зайца и т. д. Рассказываютъ, напримѣръ, объ одной идиоткѣ, которая имѣла отвращеніе отъ мяса, ѣла съ жадностью растительную пищу, не пила ничего, кромѣ воды. Выраженія ея чувствъ—радости или тревоги—ограничивались повтореніемъ звуковъ---бе, ма, ба. Сидѣла и спала она постоянно на полу, а когда упрячилась или хотѣла выразить неудовольствіе, то пробовала бодаться. Спина и плечи ея были покрыты мягкими, черноватыми волосами, а въ формѣ ея головы было будто бы нѣчто овечье. Другой подобный примѣръ приводитъ извѣстный психопаталогъ Маудсли, именно дѣвочку-идиотку, которая по наружности и повадкѣ имѣла нѣкоторое сходство съ гусемъ, почему сидѣлки въ домѣ умалишенныхъ прозвали ее „ошипаннѣмъ гусемъ“. Голова у ней была маленькая, волосы жидкіе съ небольшою лысинкой на маковкѣ, глаза большіе круглые. Нижняя челюсть представляла нѣкоторое сходство съ клявомъ, шея была необыкновенно длинна и гибка и могла, загибаясь назадъ, касаться спины между лопатками. Кожа ея представляла сходство съ гусяною, именно только что ошипанной, а высунувшіеся нижніе углы лопатокъ похожи на зачатки крыльевъ. Въ радости дѣвушка эта гоготала,

какъ гусь, при неудовольствіи шипѣла, а разсердившись била себя руками по бокамъ или топала ногами Сама она не могла ѣсть, но жадно глотала все, что клали ей въ ротъ. Она страшно любила купаться и, когда ее сажали въ ванну, громко хохотала отъ радости“. Разсказываютъ много другихъ подобныхъ случаевъ. Что означаютъ они? Принимая во вниманіе тотъ несомнѣнный и для Дарвина и для другихъ фактъ, что въ числѣ предковъ человѣка не было ни овцы, ни гуся, должно признать, что причина рожденія людей съ признаками и свойствами животныхъ кроется не въ атавизмъ, который не можетъ здѣсь имѣть мѣста, а въ чемъ то иномъ. Думаемъ, что причины такихъ уродствъ у тѣхъ или у другихъ субъектовъ нужно искать не въ далекомъ прошломъ, а въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, имѣвшихъ мѣсто во время беременности ихъ матерей.

Въ ряду явленій атавизма особенно сильное вниманіе было обращено на микроцефалію или малоголовость. Фогтъ написалъ цѣлую книгу о малоголовыхъ (переведена на русскій языкъ). Нельзя оспаривать значенія и достоинствъ этой книги, содержащей въ себѣ массу фактовъ, изслѣдованій и наблюденій весьма важныхъ для врача и антрополога, но должно рѣшительно утверждать, что она не представляетъ никакого довода въ пользу теоріи происхожденія человѣка отъ обезьяны. Стремленіе сдѣлать эту книгу однимъ сплошнымъ аргументомъ въ пользу извѣстной теоріи, только много повредило книгѣ. Ради своей цѣли Фогтъ жертвуетъ правдой, это побуждаетъ къ осторожности при обращеніи съ его книгой. Такъ сознательно или безсознательно, но о мозгѣ микроцефаловъ онъ говоритъ неправду. Мозгъ микроцефаловъ, правда, отличается отъ мозга человѣческаго, но не приближается къ обезьяньему. Отсутствие симметричности въ извилинахъ обоихъ полушарій, отсутствіе наружной затылочной перпендикулярной борозды и такъ называемаго *operculum*, все это далеко не напоминаетъ обезьянь. Точно также строеніе и изгибъ основанія черепа, отсутствіе черепныхъ гребней и строеніе костей лица выказываетъ (какъ и все прочее тѣло) совершенно человѣческіе признаки. Фогтъ не излѣдовалъ самъ мозга микроцефаловъ, онъ удовольствовался изученіемъ слѣжковъ и наблюденіями другихъ анатомовъ, но тѣ, которые занимались таковымъ изслѣдова-

ніемъ, пришли къ указанному заключенію о несходствѣ микроцефаловъ съ обезьянами. Вотъ имена этихъ анатомовъ: Маршалъ, Лушко, Ленхосежъ, Эккеръ, Мержеевскій, Зандеръ, Шнеле, Бишовъ, Вирховъ и др. По мнѣнію всѣхъ этихъ анатомовъ явленіе микроцефалии представляетъ собою не атавизмъ, а слѣдствіе остановки развитія мозга въ зародышѣ. Но не зависимо отъ этихъ фактовъ представляется въ высшей степени страннымъ, какъ Фогтъ или кто либо другой могъ видѣть въ микроцефалахъ портреты своихъ предковъ. 1) Микроцефалы-идіоты, неспособные поддерживать собственное существованіе. Неужели можно допустить, чтобы въ ряду нашихъ предковъ были такіе. Если бы дѣйствительно были такіе, то насъ бы не было. 2) Всѣ микроцефалы не способны къ продолженію рода. Какъ же отъ такихъ предковъ могли бы явиться мы? Микроцефалы, это—уроды, подобные двуголовымъ и тому подобнымъ тератологическимъ субъектамъ. Если судить по этимъ исключеніямъ о нашемъ прошедшемъ, то должно было бы допустить, что въ ряду нашихъ предковъ были обладающіе и двумя головами и шестью или семью конечностями, и все это въ недалекомъ разстояніи отъ насъ между высшими позвоночными.

Вся эта теорія побочныхъ данныхъ имѣетъ въ своей основѣ чрезвычайно странныя предположенія. Ею предполагается, что организмы безъ всякой пользы или даже со вредомъ для себя повторяютъ въ своей жизни исторію жизни своего рода. Въдѣ, что нибудь изъ двухъ: или человѣческому зародышу на извѣстной стадіи его развитія нужны жаберныя щели или ненужны. Въ первомъ случаѣ ненужно обращаться къ исторіи рода, а нужно объяснить, какъ наличные факторы удовлетворяютъ нужду зародыша въ жаберныхъ щеляхъ. Во второмъ случаѣ мы получаемъ смѣлое и очень рискованное утвержденіе, что зародышъ развивается *нецелесообразно*. Но если даже принять и это, то все таки индивидуальное развитіе должно быть истолковываемо изъ наличныхъ факторовъ развитія, а не изъ исторіи рода. Апелляція къ исторіи есть на самомъ дѣлѣ отказъ отъ объясненія. Затѣмъ теоріей побочныхъ данныхъ предполагается, что природа снабжаетъ организмъ ненужными или даже вредными для него органами (нефункционирующими мышцами,

опаснымъ чревообразнымъ отросткомъ) и это происходитъ всегда при условіяхъ нормальнаго развитія. Получается, что нормы природы ненормальны. Да простятъ мнѣ великіе защитники дарвинизма, сколько бы ни считалось между ними гениальныхъ ученыхъ, я все таки скорѣе повѣрю природѣ, чѣмъ имъ, и рѣшительно утверждаю, что обвиненія возводимыя ими на природу обусловливаются тѣмъ, что они ея не знаютъ. Не умѣя опредѣлить значенія того или иного органа въ развитіи или экономіи организма, они говорятъ, что ояъ ненуженъ. При такомъ отношеніи къ фактамъ, пожалуй, много ненужнаго окажется на свѣтѣ. Наконецъ, въ теоріи атавизма мы встрѣчаемся съ мистическимъ элементомъ въ дарвинизмѣ. Оказывается, организмъ въ скрытомъ состояніи носить въ себѣ всѣ свойства и качества своихъ прабабушекъ и прадѣдушекъ и при благоприятныхъ обстоятельствахъ можетъ передать ихъ потомству такъ, что они станутъ явными, какъ и были у предковъ. Какимъ безконечнымъ наслѣдствомъ, оказывается, владѣютъ организмы, не пользуясь имъ и даже не подозрѣвая о его существованіи! Все это слишкомъ сложно, произвольно и представляетъ природу дѣйствующею очень неразумно. Прежде каждое научное открытіе вызывало удивленіе передъ премудростью законовъ природы—ихъ простотою и цѣлесообразностью. Теорія побочныхъ данныхъ устанавливаетъ новый взглядъ на природу. Эта теорія уподобляетъ ее фантастически глупому архитектору, который, взявшись построить на мѣстѣ хижины дворецъ (вмѣсто ланцетика человѣка), весь грубый и непрактичный матеріалъ хижины присоединилъ бы къ мрамору и бронзѣ дворца. Такихъ нелѣпыхъ архитекторовъ не встрѣчается и между людьми, а природа во всякомъ случаѣ архитекторъ болѣе премудрый, чѣмъ кто-либо изъ архитекторовъ.

8.

Религіозная сторона вопроса о происхожденіи человѣка.

Есть люди, которые хотятъ разграничить, какъ несоприкасающіяся области, религію и науку и есть люди, которые такимъ же образомъ хотятъ разграничить религію и жизнь. Первые говорятъ: областю религіи служить непознаваемое,

наука занимается познаваемымъ, онѣ не должны поэтому сталкиваться между собою и если такія столкновенія происходили и происходятъ, то это—плодъ печальнаго недоразумѣнія. Вторые говорятъ: религія есть частное дѣло каждаго, общество не должно ни поощрять, ни преслѣдовать религіозныхъ вѣрованій, не должно и считаться съ ними въ своихъ законахъ и постановленіяхъ. Такъ и первые и вторые хотятъ сдѣлать изъ религіи что-то въ родѣ безвреднаго фантазирования, они хотятъ допустить ея существованіе у нѣкоторыхъ въ видѣ какаго-то придатка, цѣнность и значеніе котораго равна нулю. На самомъ дѣлѣ такимъ бесполезнымъ и невѣсомымъ балластомъ религія никогда не была и не будетъ. Умные люди всегда понимали это. Ө. Гоббесъ (1588—1679), религіозность котораго весьма сомнительна, боялся религіи, какъ силы, съ которою постоянно приходится считаться и трудно справиться государству. Не должно быть, разсуждалъ онъ, свободы въ сферѣ религіозной, такая можетъ вести только къ бѣдствіямъ. Такъ, при различіи религіозныхъ воззрѣній представитель власти можетъ потребовать отъ гражданина чего нибудь такого, что послѣднему представится грѣхомъ (присяги, участія въ военной службѣ). Возникаютъ несогласія, раздоры, которые многократно вели къ междуусобіямъ и войнамъ. Нѣтъ такого догмата, относительно котораго нельзя было бы спорить, отсюда при раздѣленіи свѣтской и религіозной власти всегда неизбѣжны конфликты. Римскій папа всегда можетъ потребовать отъ англійскаго гражданина противнаго тому, что требуетъ отъ него король. Что было во дни Гоббеса, то будетъ всегда. Религіозныя убѣжденія одного не позволяютъ ему прикоснуться къ чужой собственности, а религіознымъ исповѣданіемъ другого въ то же время можетъ быть, что собственность есть кража. Отдѣленіе церкви отъ государства не рѣшаетъ вопроса. II послѣ отдѣленія церковь остается не какъ *Privatsache*, а какъ *Status in statu*. отсюда повятно стремленіе противниковъ церкви не отдѣлить только ее, но и уничтожить; отсюда—борьба. Это—въ области практической; тоже самое имѣетъ мѣсто и въ области теоретической. Наука о религіи—богословіе отрицаетъ самодостаточность или самобытность міра. Но представленію многихъ натуралистовъ, свойства міра въ настоящемъ указываютъ на его вѣчное существованіе въ

прошедшемъ, и это прошедшее можно точно такъ же возстановлять научно, какъ и предсказывать будущее. Далѣе, богословіе учитъ о провидѣніи, которое можетъ измѣнять, преобразовывать и возвышать строй міровой жизни для высшихъ цѣлей. Подобно тому, какъ человѣкъ вноситъ измѣненія въ естественную жизнь природы, такъ Богъ преобразуетъ природу, смотря по тому, что наиболѣе полезно для человѣка. Это промышленіе о мірѣ обусловливается тѣмъ, что міръ не есть мертвый механизмъ, но въ немъ живутъ свободныя твари дѣйствія которыхъ нельзя всецѣло истолковывать изъ предшествовавшихъ условій, но которыя въ нѣкоторой сферѣ являются первопричиною явленій, какъ Богъ есть первопричина ихъ бытія. Наконецъ, богословіе сообщаетъ многое о прошедшемъ и о конечномъ будущемъ,—эти сообщенія, говорятъ, стоятъ въ противорѣчьи съ тѣмъ, что открыла наука относительно прошедшаго и что ова предвидитъ относительно будущаго. Такъ рассуждаютъ многіе натуралисты.

Конфликты между религіозными вѣрованіями и научными воззрѣніями существовали всегда. Китайскій мыслитель Янь-Чжу еще до Р. Х. подрывалъ религіозное ученіе Конфуція. В. Индіи философія Бригаспати находила несомнѣстными научныя данныя о природѣ съ браминскимъ богословіемъ. Въ III в. по Р. Х. неоплатоникъ Порфирій настаивалъ на научной несостоятельности христіанства, тоже самое въ IV в. повторялъ Юліанъ. Въ новое время конфликтъ между богословіемъ и наукой возникъ съ появленіемъ теоріи Коперника и крайне обострился въ эпоху Галилея. Галилей пытался устранить обвиненіе его въ ереси двумя повидимому взаимно исключаящими себя рассужденіями. Съ одной стороны, онъ утверждалъ, что Св. Писаніе учитъ такъ же, какъ и онъ (земля въ Писаніи называется повѣшенною, недержимо тяготѣющею), и что, слѣдовательно, прежнія толкованія Писанія не правильны; съ другой стороны онъ говорилъ, что Писаніе назначено только для спасенія души, что оно не можетъ служить авторитетомъ для науки, и послѣдняя не должна зависѣть отъ него. Повидимому, чтонибудь одно: или нужно настаивать на согласіи своего ученія съ писаніемъ или на томъ, что такое согласіе совсѣмъ не требуется. Галилей настаивалъ на томъ и на другомъ.

Позволительно думать, что имъ при этомъ руководило инстинктивное чувство истины. Всякое ученіе, если оно истинно, непременно должно быть въ согласіи съ *духомъ* Богословія и Писанія, разъ мы вѣримъ, что таковыя содержатъ истину. Но вопросъ о согласіи результатовъ опытнаго знанія съ *бурвою* Писанія не можетъ имѣть для себя такого простого рѣшенія. Библия излагаетъ ученіе истины не ученымъ языкомъ, а „для мудрыхъ и простыхъ вкупѣ“, языкомъ эпохи, примѣнительно къ представленіямъ времени. Въ Библии есть и человѣческій элементъ. Съ другой стороны, Библия во всемъ своемъ объемѣ есть божественное ученіе, поэтому въ ней могутъ предлагаться только такія представленія о природѣ, которыя по *существу* непременно согласны съ истиной. Имѣя все это въ виду, должно признать, что не всегда вопросъ объ отношеніи Библии къ новымъ ученіямъ можетъ быть рѣшаемъ скоро и просто. Человѣкъ ограниченъ и его сужденія о Библии и законахъ природы часто оказываются погрѣшительными. Чѣмъ тверже мы будемъ признавать святость Библии, чѣмъ больше мы будемъ любить изслѣдованія и чѣмъ большую терпимость мы будемъ проявлять къ мнѣніямъ, не согласнымъ съ нашими собственными, тѣмъ скорѣе во многихъ случаяхъ мы придемъ къ единенію съ нашими противниками въ истинѣ и любви. Такъ разсуждаемъ мы съ точки зрѣнія вѣры, но на какой точкѣ зрѣнія ни стоять, должно признать неизбежность конфликтовъ и объ этомъ нужно не скорбѣть, а этому нужно радоваться; негодовать здѣсь рѣшительно не на что. Фактъ конфликтовъ указываетъ на возможность провѣрки религіозныхъ ученій научными изслѣдованіями. Тѣ, кто отрицаетъ религію, должны надѣяться, что наука разсѣетъ религіозныя заблужденія. Признающіе религію истинной вѣрятъ, что въ концѣ концовъ наука подтвердитъ ихъ вѣру. Всякій конфликтъ между вѣрой и научной теоріей можетъ имѣть три исхода: 1) или новая теорія окажется несостоятельной, или 2) религіозное ученіе будетъ отвергнуто во имя теоріи или 3) будетъ признана ихъ совмѣстимость. Но взаимной независимости у религіи и науки не можетъ быть.

Это признавалъ и Дарвинъ. Онъ находилъ, что его теорія несовмѣстима съ вѣрою въ провидѣніе и отвергнулъ вмѣшательство Бога въ процессы міровой жизни. Это онъ выска-

заль уже при опубликованіи своей книги о происхожденіи видовъ. Поставивъ вопросъ о происхожденіи человѣка, онъ отлично понималъ, что поднимаетъ множество вопросовъ. Человѣкъ владѣетъ языкомъ, разумомъ, нравственнымъ чувствомъ, поэтому въ вопросъ о происхожденіи человѣка входятъ вопросы о происхожденіи языка, разума, нравственности и религіи. Васманнъ говоритъ не новость, когда указываетъ на психологическую сторону проблемы. Дарвинъ и обсуждалъ ее и съ зоологической и съ психологической стороны.

Но обыкновенно такъ бываетъ, что для людей тѣ вопросы, въ которыхъ они наименѣе свѣдущи и которыми наименѣе занимались, представляются самыми легкими. Такъ это было и съ Дарвиномъ и съ его послѣдователями. Надъ атомическими особенностями берцовой кости человѣка они ломали голову гораздо больше, чѣмъ надъ вопросомъ о происхожденіи религіи. Послѣдній имъ представлялся очень простымъ и легкимъ. Но онъ не простъ и не легокъ. Въ концѣ концовъ въ вопросъ о происхожденіи человѣка, думаю, все одинаково трудно и при настоящемъ знаніи неразрѣшимо. А относительно теоріи эволюціи я полагаю, что она въ настоящемъ видѣ дѣлаетъ не шагъ впередъ въ вопросъ о происхожденіи животныхъ и человѣка, но отступаетъ далеко назадъ.

Эволюціонное представленіе процесса міровой жизни не ново, оно насчитываетъ за собою тысячелѣтія. Объясняя міръ по аналогіи съ собою, человѣкъ естественно долженъ былъ представить, что міръ постепенно развивался, какъ постепенно развивается онъ. Но развитіе человѣка совершается подъ воздѣйствіемъ старшихъ, и древній человѣкъ представлялъ, что и развитіе міра совершалось подъ воздѣйствіемъ боговъ. Въ древнѣйшей изъ извѣстныхъ намъ космогоній—вавилонской, мы находимъ такую исторію міра. Когда было устроено небо, нужно было населить землю. Въ этомъ дѣлѣ приняли участіе многіе боги. Но первые опыты творенія были неудачными. Новосозданныя твари не могли выносить ни свѣта, ни воздуха (жили въ водѣ?). Тогда Бель разрубилъ себѣ голову, его божественная кровь была примѣнена къ матеріалу творенія и сообщила тогда созданнымъ животнымъ и людямъ способность сопротивляться дѣйствию стихій. Люди сначала жили въ дикомъ состояніи. Они су-

ществовали подобно скотамъ безъ нравственности и безъ законовъ. Богъ Еа возвысилъ людей до культурнаго состоянія. Онъ проходилъ посреди людей, никогда не принимая пищи, уча ихъ письму, наукамъ и всѣмъ полезнымъ искусствамъ: искусству строить города, воздвигать храмы. Онъ училъ людей геометріи, законамъ, умѣнью сѣять и воздѣлывать, вообще всему тому, что составляетъ культуру. Финикійская космогонія въ своей сидонской версіи повѣствуетъ слѣдующее. Въ началѣ былъ хаосъ (Вогу), и хаосъ былъ мрачный мятущийся, и Дыханіе (Руахъ) носилось надъ хаосомъ. И хаосъ не имѣлъ предѣла и онъ такъ существовалъ въ теченіи вѣковъ и вѣковъ. И Дыханіе возлюбило свои собственныя начала, и произошло ихъ смѣшеніе, и это смѣшеніе было названо желаніемъ (Шефеть). И желаніе было причиною всего, и Дыханіе не знало своего собственного созданія, и Дыханіе и хаосъ смѣшались, и родился Моть (иль или вязкая тина), и изъ него вышли всѣ сѣмена творенія, и Моть былъ отцомъ всего. Моть имѣлъ форму яйца. И солнце, и луна и звѣзды и великія созвѣздія засвѣтили на небѣ. Тогда явились существа, у которыхъ не было чувствъ и отъ нихъ произошли существа разумныя, и ихъ назвали Тсофесамимъ (созерцающіе небо). Началась борьба элементовъ, которые стали раздѣляться между собою. Раскаты громовъ разбудили разныя существа, которыя были какъ бы во снѣ, и тогда мужскія и женскія существа стали двигаться по землѣ и по морю. И Дыханіе родило сѣверный, южный, восточный и западный Вѣтеръ. Хаосъ и западный Вѣтеръ соединились и они произвели Улома (время) и древняго (Кадмонъ) и эти произвели потомство (толедеть) и населеніе (моледеть), которые населили Финикію и почитали солнце подъ именемъ Ваала—Самимъ, какъ владыку небесъ. Уломъ и Кадмонъ родили сыновей, имена которыхъ суть: свѣтъ, огонь и пламя, они ввели употребленіе огня путемъ тренія одного куска дерева о другой. Отъ нихъ явились на землѣ сыновья—гиганты (рефаимы), которые назывались Кассій, Ливанъ. Антиливанъ и Фаворъ. Отъ этихъ родились Самемрумъ (поднимающийся до небесъ) и Узо (косматый). Самемрумъ жилъ на островѣ Тирѣ, гдѣ изобрѣлъ искусство строить хижины изъ камыша и папируса. Братъ его Узо, жившій несогласно съ нимъ, изобрѣлъ при-

готовленіе одеждъ изъ шкуръ животныхъ. Узо былъ первый пустившійся въ плаваніе. Отъ молніи произошелъ пожаръ въ лѣсу, покрывавшемъ островъ Тиръ. Срубивъ одно пылавшее дерево и бросивъ его въ море, Узо увидѣлъ, что оно не тонетъ, что навело его на мысль объ устройствѣ плотовъ и судовъ для плаванія. Самемрумъ имѣлъ сыновей и дочерей, изъ этого племени произошелъ Сидонъ, который изобрѣлъ рыболовство и охоту и былъ отцемъ сидонянъ ¹⁾.

Не будемъ смущаться мифологическими образами и фантастическими подробностями вавилонскихъ и финикійскихъ сказаній. Обратимся къ тѣмъ идеямъ, которыя они въ себѣ заключаютъ. Міръ развивался постепенно, въ своемъ развитіи онъ шель отъ неспособнаго къ приспособленному, отъ нецѣлесообразнаго къ цѣлесообразному, отъ безразумнаго къ разумному, отъ некультурнаго къ культурному. И человѣкъ въ этомъ процессѣ направлялся *per aspera ad astra* Божествомъ. Въ дальнѣйшихъ сказаніяхъ о первоисторіи человечества мы и находимъ, что лучшіе люди, наприм., Самасъ-Напистимъ у вавилонянъ, въ концѣ концовъ приобщались къ сонму безсмертныхъ. Такимъ образомъ эволюція человечества своею конечною цѣлью имѣетъ поднятіе человѣка до Божества. Такъ смотрѣли древніе. Теперь посмотримъ, какой смыслъ усвоитъ эволюціонному процессу новѣйшая теорія. Куда идетъ человѣкъ? На этотъ вопросъ дарвинизмъ можетъ отвѣчать различно, но какой бы отвѣтъ онъ ни далъ, отвѣтъ всегда будетъ неутѣшительнымъ. Дарвинизмъ можетъ сказать, что человѣкъ никуда не идетъ, потому что въ природѣ нѣтъ цѣлей, міръ существуетъ вѣчно, живущее пользуется жизнью и только, Дарвинизмъ можетъ сказать, что неизвѣстно, куда идетъ человѣкъ. Какъ будто онъ совершенствуется, но этотъ процессъ совершенствованія является въ нѣкоторой мѣрѣ обезпеченнымъ, пока человѣкъ есть существо наиболѣе приспособленное къ средѣ. Среда можетъ измѣниться; для этого достаточно небольшихъ перемѣнъ въ составѣ воздуха и человѣкъ погибнетъ. Можетъ человѣкъ погибнуть отъ голода, холода, жары, микроорганизмовъ, можетъ погибнуть вмѣстѣ съ землею. Вообще бу-

¹⁾ См. С. Глаголева—Очерки по исторіи религій Ч. I, особенно стр 57—58 и 211—212.

дущее ему необезпечено. А если онъ и не погибнетъ, то и счастье ему не обезпечено. Въ борьбѣ за существованіе, установилъ Дарвинъ, выживаютъ наиболѣе приспособленные. Этотъ тезисъ самъ по себѣ неясенъ, потому что на вопросъ: какіе организмы нужно считать наиболѣе приспособленными? можно получить отвѣтъ: тѣ, которые выживаютъ. Пытаются дополнить Дарвина: въ борьбѣ за существованіе торжествуетъ высшая сила. Подъ высшею силою повидимому разумѣютъ силу разума. Хотятъ повидимому этимъ сказать и то, что торжество въ концѣ концовъ принадлежитъ высшему, высшимъ организмамъ. Такъ ли? Съ точки зрѣнія дарвинистовъ (по моему мнѣнію совершенно ложной) человѣкообразныя обезьяны по своему интеллекту возвышаются надъ остальными животными. Допустимъ, что дарвинисты правы. У нихъ получится, что высшій интеллектъ гибнетъ, а существа съ мышиннымъ разумомъ плодятся и множатся. Вымираютъ и низшія человѣческія племена, а они несомнѣнно имѣютъ болѣе разума, чѣмъ обезьяны и слоны. Несомнѣнно и то, что вымираютъ вообще высшіе организмы, а не низшіе. Съ точки зрѣнія теоріи Дарвина всѣ задачи организма сводятся къ двумъ: 1) самосохраненію и 2) продолженію рода, причемъ вторая задача является важнѣйшею и существеннѣйшею. Вся система органовъ, вся сила способностей, у человѣка—религія, искусство, все это только модифицированныя и порою патологическія проявленія инстинктовъ самосохраненія и размноженія. Но тогда человѣкъ не наиболѣе совершенный, а наименѣе совершенный организмъ. Наиболѣе совершеннымъ организмомъ будетъ тотъ, который съ наименьшею затратою силъ достигаетъ тѣхъ же цѣлей, какъ и человѣкъ—сохраняется и размножается. Такіе организмы нужно искать не вверху, а внизу біологической лѣстницы. Представимъ себѣ червей-паразитовъ (наприм., трематодъ), которые живутъ въ питательной средѣ, все тѣло которыхъ представляетъ аппаратъ для питанія и которые кромѣ органовъ питанія имѣютъ лишь органы размноженія. У человѣка наука, искусство, религія, право, все вѣдь это въ сущности служить лишь для сохраненія и продолженія рода, да еще иногда служить не совсѣмъ хорошо. Такимъ образомъ здѣсь для достиженія цѣли затрачивается громадное количество энергіи, наши черви-паразиты для достиже-

нія той же цѣли почти не тратятъ энергій. Вообще принято считать, что тотъ механизмъ выше, который тратитъ меньше силъ, чѣмъ другой, служащій тому же самому дѣлу. Поэтому трематоды должны быть поставлены выше людей. Представляющееся одно возраженіе, что организмъ человѣческой служитъ многимъ и разнообразнымъ цѣлямъ, устраняется тѣмъ, что при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что эти цѣли суть средства для достиженія той, которой прямо и непосредственно достигаетъ организмъ трематоды.

Такимъ образомъ оказывается, что съ точки зрѣнія дарвинистической теоріи идеаль приспособленнѣйшаго существа, къ которому должно стремиться человѣчество, лежитъ не впереди, а сзади. Его нужно искать, скажемъ мы, еще гораздо ниже, чѣмъ между трематодами. Трематоды—черви, а типъ червей въ біологической лѣстницѣ занимаетъ, сравнительно, довольно высокое мѣсто. Если мы спустимся ниже, то тамъ мы найдемъ еще болѣе простые и болѣе просто достигающіе цѣлей бытія организмы. Таковы, на примѣръ, фораминиферы. Это одноклѣточные организмы микроскопической величины съ протоплазматическимъ тѣломъ—полужидкой, полутвердой консистенціи, постоянно мѣняющей форму. Они питаются, обволакивая протоплазматическою сѣтью маленькіе растительные организмы, все тѣло ихъ при этомъ служитъ и ртомъ и желудкомъ и анальнымъ отверстіемъ, черезъ которое выбрасываются остатки пищеваренія. Размноженіе фораминиферъ происходитъ такимъ образомъ, что одна фораминифера распадается на нѣсколько. Такимъ образомъ еще оказывается, фораминиферы безсмертны: сохраненія индивидуальнаго и родового бытія достигается здѣсь наилучшимъ образомъ. Остается только удивляться, почему вся органическая жизнь на землѣ не существуетъ въ такихъ или аналогичныхъ такимъ формамъ, въ какихъ является жизнь фораминиферъ. На самомъ дѣлѣ въ далекомъ прошедшемъ согласно теоріи эволюціи было время, когда всѣ организмы были таковыми, т. е. подобными фораминиферамъ. Какая же причина заставила эти организмы эволюционировать, т. е. ухудшаться, ибо теперь оказывается, что разъ организмъ становится сложнѣе, то онъ становится менѣ совершеннымъ. Причина эволюціи фораминиферъ неизвѣстна. Да, на самомъ дѣлѣ еслибы факторомъ эволюціи

было переживаніе приспособленнѣйшихъ къ существованію, никакой бы эволюціи и не было.

Дарвинизмъ заключаетъ въ себѣ два взаимно уничтожающіе принципы: 1) принципъ прогресса и 2) принципъ, отрицающій пользу и смыслъ прогресса. Съ одной стороны дарвинизмъ говоритъ, что человѣкъ поднялся до настоящей ступени развитія изъ животнаго состоянія, съ другой онъ долженъ признать, что человѣка нельзя разсматривать какъ существо наиболѣе приспособленное и что изъ того, что человѣкъ поднялся, все равно ничего не выйдетъ: человѣку не подняться до неба, потому что неба нѣтъ, человѣку не овладѣть истиной, не овладѣть безконечностью, потому что существованіе человѣчества временно. Нельзя утѣшать себя и тезисомъ Ницше, что человѣкъ есть мостъ, а не цѣль, человѣкъ долженъ создать сверхчеловѣка. Тогда и сверхчеловѣкъ окажется мостомъ между человѣкомъ и сверхсверхчеловѣкомъ. Развивая это положеніе, оглядываясь на прошедшее и рисуя себѣ образы будущаго, мы получимъ, что всѣ существа прошедшаго и будущаго суть мосты между монерою и какимъ-то проблематическимъ совершенствомъ. Но мы не можемъ мечтать, что въ будущемъ явится нѣчто столь совершенное, чего никогда не было. Процессъ эволюціи совершается отъ вѣчности и онъ далъ все то, что могъ дать.

Дарвиновская теорія представляется мнѣ ниже эволюціонныхъ теорій древности, потому что въ послѣднихъ, какъ цѣль эволюціи, мыслилось поднятіе человѣка до Божества: у Дарвина человѣкъ поднимается въ пустоту и поднимается только за тѣмъ, чтобы рано или поздно подъ воздѣйствіемъ физическихъ факторовъ рухнуть оттуда.

Это соображеніе можетъ не имѣть силы для многихъ дарвинистовъ, потому что они охотнѣе признаютъ, что міръ безсмыслененъ, чѣмъ то, что они ошибаются. Но Васманнъ и Лабошъ съ этимъ соображеніемъ должны считаться. Лабошъ полагаетъ, что человѣкъ до паденія былъ изъятіемъ изъ мірового порядка. Тоже самое предполагаетъ и Васманнъ, допуская животное происхожденіе человѣческаго тѣла. Ходъ мірового развитія былъ дарвинистическимъ, но для одной тѣлесной формы было сдѣлано исключеніе, ей были сообщены новыя силы для всегдашняго и блаженнаго существованія. Если бы дѣло заключалось только въ томъ, что животному

тѣлу къ имѣющимся его свойствамъ были прибавлены новыя, тогда, пожалуй, допущеніе Васманна мыслилось бы возможнымъ, но на самомъ дѣлѣ это не такъ. По Васманну и Лабошу, какъ и по Дарвину, организмы обладаютъ наслѣдственностью, и эта наслѣдственность далеко не идеальнымъ образомъ вліяетъ на душу. Такую наслѣдственность долженъ былъ получить отъ своего животнаго тѣла человѣческой духъ. Но если такъ, то значить, онъ явился на землю съ наклономъ къ паденію. Васманнъ и Лабошъ не допускаютъ этого. Тогда мы получимъ, что у животной природы перваго человѣка или первыхъ людей произошелъ разрывъ съ животною природою его или ихъ предковъ. А если такъ, то значить, тѣло первочеловѣка не было продуктомъ животной эволюціи. Эта эволюція даетъ только продукты наслѣдственности, а здѣсь нуженъ былъ организмъ ея не имѣющій. Нельзя также понять, какъ и когда свободноразумная душа вошла въ тѣло произведенное животными родителями? Какъ мать горилла нянчила сына человѣка? И что же: этотъ ребенокъ былъ единичнымъ явленіемъ или сразу явился родъ homo изъятый отъ подчиненія общимъ законамъ бытія?

Все это очень путано и гораздо замысловатѣе и неудобовоспріимчивѣе, чѣмъ теорія Дарвина и повѣствованіе книги Бытія. По Дарвину, человѣка не отдѣляетъ отъ животнаго никакая бездна, эволюція совершалась постепенно, никакая обезьяна не родила человѣка, но путемъ медленнаго, не могущаго подлежать непосредственному наблюденію прогресса обезьяна поднялась до человѣка. Ничего въ ней не трансформировалось и ничего новаго въ нее не вошло, она только медленно развивалась и усовершенствовалась. По Библии человѣкъ явился сразу, какъ новый и совершеннѣйшій типъ жизни, которому должно было подчиниться все живое. Библейскій рассказъ, вызывая много недоумѣній и вопросовъ, заключаетъ въ себѣ много весьма опредѣленнаго. Церковное сознаніе всегда понимало его такъ. Все существовавшее и существующее человѣчество произошло отъ одной четы, даже отъ одной крови (*ἐξ ἑνὸς ἀνδρός*), созданной непосредственно Богомъ. Первозданная чета была вызвана къ бытію, чтобы „познавать Бога, прославлять Его и черезъ то вѣчно блаженствовать“, но она не устояла въ добрѣ, подпала грѣху.

а вслѣдствіе этого проклятiю и смерти, причѣмъ грѣхъ, проклятiе и смерть должны были стать удѣломъ и всего послѣдующаго человѣчества. Однако, уже немедленно послѣ паденiя первыхъ людей при самомъ обреченiи человѣчества на страданiя было даровано людямъ обѣтованiе искупленiя и спасенiя въ сѣмени жены. Это сѣмя жены—Христосъ, Сынъ Божiй, средоточіе всемирной исторiи, Онъ искупилъ Своею жизнiю, страданiями и смертiю грѣхи человѣчества и создалъ церковь, предлагающую спасенiе всѣмъ ищущимъ спасенiя. Церковное пониманiе гѣснѣйшимъ образомъ соединяетъ эти три факта: творенiе, паденiе и искупленiе человѣка, объемля ими весь смыслъ и всю сущность исторiи человѣчества. Ученiе о творенiи открываетъ человѣку его происхожденiе, устанавливаетъ равенство и братство всѣхъ людей, объясняетъ причину хорошихъ и высокихъ свойствъ въ человѣкѣ (источникъ темныхъ свойствъ указывается въ фактѣ паденiя); отвергнуть это ученiе повидимому возможно лишь въ томъ случаѣ, если отвергнуть и ученiе о паденiи и искупленiи, какъ имъ обусловленное, т. е. въ томъ случаѣ, если отвергнуть все вѣроученiе христіанства.

Но это ученiе церковь не облекла въ формулы утвержденныя вселенскими соборами. Это открывало широкій просторъ въ дѣлѣ толкованiя библейскаго текста и болѣе, чѣмъ за полторы тысячи лѣтъ до Дарвина и Васманна церковными писателями предлагались теорiи повидимому очень удобно совмѣстимыя съ обезьяной. Эти теорiи исходили изъ того, что первыя три главы только аллегорическое повѣствованiе о чемъ-то такомъ, что собственно совершенно не соотвѣтствуетъ описываемому. Такіе взгляды развивала александрійская школа. Въ наиболѣе рѣзкой формѣ мы находимъ ихъ выраженными у Оригена. Онъ признаетъ предсуществованiе душъ человѣческихъ и домірное ихъ паденiе. Этотъ видимый міръ возникъ тогда, когда невидимый утратилъ свою первоначальную чистоту, падшія души были введены въ этотъ міръ и вступили въ мучительный союзъ съ матеріею. Если прибавить къ этому, что Оригенъ призывалъ бессмертную душу у животныхъ, то для желающихъ является полная возможность примирять ученiе христіанское съ теоріею эволюціи. Человѣкъ, по Оригену, могъ произойти и отъ обезьяны, онъ могъ сначала быть дикимъ, не знающимъ ре-

дигин и морали, малоспособнымъ, ибо онъ уже раньше утратилъ чистоту не здѣсь на землѣ, а на небѣ. У св. Григорія Нисскаго, хотя въ весьма сдержанной формѣ мы находимъ, однако, въ нѣкоторыхъ пунктахъ приближеніе къ этому ученію Оригена. Св. Григорій въ трехъ первыхъ главахъ Библии видитъ аллегорію. Онъ приводилъ и доказательство своего взгляда. Наприм., во 2 гл. 9 ст. Бытія говорится, указывалъ онъ, что посреди рая находились древо жизни и древо познанія добра и зла, но въ одномъ и томъ же центрѣ не можетъ помѣщаться двухъ предметовъ, слѣдовательно, это должно пониматься иносказательно. Дарованіе Адаму и женѣ его послѣ паденія кожаныхъ одеждъ Григорій толковалъ въ томъ смыслѣ, что падшія души были облечены въ тѣло. Взглядъ на возможность аллегорическаго пониманія первыхъ трехъ главъ не исчезъ совсѣмъ и въ послѣдующее, и даже въ наше время. Но признавая то, что многіе державшіеся его были глубоко благочестивыми христіанами и замѣчательными мыслителями своего времени, должно утверждать, что этотъ взглядъ совершенно несогласенъ съ духомъ Библии. Прежде всего онъ разрѣшаетъ въ ничто библейское повѣствованіе: 1—3 главы—аллегорія. Какъ понимать аллегорію? Можно, конечно, тысячью различными способами, но гдѣ критерій, что избранный нами способъ будетъ наилучшій? Въ сущности должно принять, что при такихъ условіяхъ человѣчеству не суждено уразумѣть первыхъ главъ Библии, если не будетъ дано свыше новаго откровенія. У насъ исчезаетъ откровеніе о прошедшемъ. Затѣмъ этотъ взглядъ стоитъ въ противорѣчій съ взглядомъ богодухновеннаго автора, смотрѣвшаго на свою книгу, какъ на исторію, а не какъ на аллегорію. Въ послѣдней части своей книги Моисей говоритъ о событіяхъ, отстоявшихъ недалеко отъ того времени, въ которое онъ жилъ, о событіяхъ чисто историческаго характера; но эти событія у него непрерывною нитью связаны со всѣмъ предшествовавшимъ; что же, ужели онъ къ историческому заключенію присоединилъ неисторическое начало? Далѣе у Моисея приводятся многія генеалогическія таблицы, по этимъ таблицамъ многихъ лицъ можно провести отъ Моисея до Адама. Какой же былъ бы смыслъ, и какъ ихъ можно бы было выдумать Моисею и зачѣмъ, если бы онъ по его предположенію не соот-

вѣтствовали дѣйствительности? Наконецъ самый тонъ повѣствованія, частыя ссылки на твореніе человѣка, какъ на фактъ, все это ясно и несомнѣнно показываетъ, что Моисей въ повѣствованіи 1, 2 и 5 главъ своей книги видѣлъ исторію, а не аллегорію. Такъ смотрѣли на повѣствованіе о сотвореніи и на первоисторію человѣчества и послѣдующіе священные писатели. Мы встрѣчаемъ опять упоминаніе Адама, какъ прародителя всего человѣчества (1 Паралип. 1, 1), въ Евангеліи св. Луки родословіе Господа возводится къ Адаму. Вообще въ Библии можно указать много, очень много мѣстъ, гдѣ о первоначальныхъ событіяхъ, описываемыхъ въ Библии, говорится, какъ о событіяхъ историческихъ. Взглядъ аллегористовъ опровергается и новѣйшими открытіями въ Сиріи, Палестинѣ, Египтѣ и вообще у народовъ восточныхъ, каковыя открытія показали, что и у другихъ народовъ кромѣ евреевъ сохранились сказанія о первобытныхъ временахъ весьма сходныя въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ еврейскими. Они несомнѣнно указываютъ на историческую первооснову событій, о которыхъ говорятъ. Все это принуждаетъ совершенно отвергнуть ученіе объ аллегорическомъ характерѣ библейской первоисторіи человѣчества.

Если теорія домірнаго паденія души не сходится съ буквою библии, то она, должно еще указать, стоитъ въ противорѣчій съ церковнымъ ученіемъ о конечной судьбѣ человѣчества. Теорія домірнаго паденія смотритъ на матерію, какъ на зло; смотритъ на тѣло, какъ на темницу души. Но Евангеліе и затѣмъ церковь учитъ о воскресеніи тѣлъ. Ненормально, не то, что душа находится въ тѣлѣ, а то что ненормальны отношенія между душою и тѣломъ. Тѣло не подчиняется или плохо подчиняется душѣ, часто само подчиняетъ себѣ душу. Но тѣло должно быть орудіемъ вѣлній духа. Духъ дѣйствуетъ черезъ тѣло, черезъ тѣло онъ совершаетъ доброе и злое. Если-бы нормальнымъ состояніемъ духа была жизнь безъ тѣла (до паденія), тогда и идеальнымъ его состояніемъ должна быть безтѣлесная жизнь. Св. Писаніе говоритъ намъ, что идеальнымъ концомъ для души будетъ блаженная жизнь въ воскресшемъ тѣлѣ; отсюда мы заключаемъ, что и въ началѣ своего существованія душа была создава съ тѣломъ, что первично эта связь была нор-

мальною, теперь она ненормальна, въ будущемъ станетъ нормальной опять.

Съ теоріей эволюціоннаго происхожденія человѣчества, хотя бы даже и въ той его формѣ, что въ какія то животныя тѣла были вложены человѣческія души, несовмѣстимо ученіе о единствѣ человѣчества, т. е. ученіе о человѣчествѣ. „Великая концепція общаго происхожденія всего рода человѣческаго, разсуждаетъ г. Штернберъ, созданнаго единымъ Богомъ, свободно павшаго и потому расколовшася и разединившася, но неизбѣжно долженствующаго быть спасеннымъ въ лицѣ всѣхъ отошедшихъ, настоящихъ и грядущихъ поколѣній для образованія единаго стада единаго пастыря, — эта великая концепція, которая могла явиться только на высшей ступени монистическаго религіознаго мышленія, впервые создала высшую идею человѣчества, которая легла въ основаніе всѣхъ идей и идеаловъ гуманитарныхъ концепцій всѣхъ дальнѣйшихъ періодовъ человѣческаго мышленія. Она была неоднократно искажаема, затемняема, претерпѣвала всевозможныя превратности, но благодаря ей, идея человѣчества долженствующаго стать единымъ братскимъ союзомъ, прочно укоренилась въ умахъ и сердцахъ цивилизованныхъ людей. Замѣчательно, что буддизмъ, создавшій такъ много идей гуманности, не возвысился до идеи человѣчества, не пошедши дальше термина „общины четырехъ странъ свѣта“, соотвѣтствующаго христіанскому термину („церковь“, общины вѣрующихъ“ ¹⁾). Не будемъ привязываться къ словамъ, изъ которыхъ какъ будто выходитъ, что идея человѣчества прочно укоренилась благодаря идеѣ человѣчества, постараемся вникнуть въ мысль автора. Онъ признаетъ безконечно высокое значеніе еврейско-христіанской идеи происхожденія человѣчества отъ единаго корня, но онъ выставляетъ далѣе тезисъ, что эта идея могла явиться только на высшей ступени монистическаго религіознаго мышленія. Что онъ хочетъ сказать этимъ? Если эта идея не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то она должна быть отброшена, ибо никакая мораль, никакія гуманитарныя требованія не должны утверждаться на фикціи

¹⁾ Штенберъ Л. — человѣчество (Брокгаузъ и Ефрошь, Энциклопед. словарь Полутомъ 76, стр. 486—488).

Если эта идея соответствует действительности, то она изначальна. Человѣчество едино только въ томъ случаѣ, если оно произошло отъ одного человѣка—отъ одного мужа (ибо жена отъ мужа), какъ учитъ Библия. Происхожденіе всѣхъ человѣческихъ расъ отъ одного племени или вида, происшедшаго эволюціоннымъ путемъ, какъ это представляетъ самъ Дарвинъ, не утверждаетъ факта единства человѣчества. А между тѣмъ къ этой идеѣ единства человѣчества апеллировали и Фейербахъ въ своей религіи человѣкобожества и Огюстъ Контъ въ своей религіи человѣчества и атеистическіе строители благополучія человѣчества на началахъ братства и равенства. Они берутъ изъ библии нравственный выводъ, не принимая его метафизической основы. Выводъ является въ видѣ безпочвеннаго тезиса, и хотя провозглашается весьма громко, не находитъ отклика въ сердцахъ.

Отрицая единство человѣческаго рода дарвинизмъ и^{та} еще шире—теорія эволюціи повидимому утверждаетъ еще болѣе цѣнную нравственную истину: единство всего животнаго міра. Правда, допускаютъ и съ самаго начала возникновеніе нѣсколькихъ типовъ, развитіе которыхъ пошло различными путями. Но человѣка съ зоологической точки зрѣнія никакъ нельзя признать особымъ типомъ. Конечно, онъ—позвоночное, млекопитающее, близкое къ приматомъ. Но какой же нравственный выводъ слѣдуетъ отсюда? Какъ никакъ изъ эволюціонной теоріи слѣдуетъ, что каждый изъ насъ можетъ быть въ ближайшемъ родствѣ съ гориллами Африки или съ орангутангами съ острова Борнео, чѣмъ съ австралійскими аборигенами. Спрашивается—каковы наши нравственныя обязанности по отношенію къ горилламъ и австралійцамъ? Эволюціонная теорія не можетъ дать отвѣта на этотъ вопросъ, а если послѣдователи ея даютъ, то они въ своемъ отвѣтѣ руководятся и религіозною традиціею и непосредственнымъ сознаніемъ выдѣляющимъ человѣчество изъ всего живущаго какъ особый типъ, представляющій собою единое нравственно-солидарное цѣлое.

Библия и действительность говорятъ намъ, что существуетъ три типа жизни: жизнь тѣлесная, жизнь душевная и жизнь духовная. Первою живутъ растенія, второю и второю живутъ животныя, первою и второю живетъ человѣкъ, но онъ

долженъ еще жить и безъ сомнѣнія въ нѣкоторой мѣрѣ всегда и живетъ третью (духовною).

Жизнь съ физиологической стороны можетъ быть опредѣляема, какъ процессъ, состоящій въ томъ, что вещество уподобляетъ себѣ окружающую среду. Все живое питается и размножается; принимая въ себя постороннія вещества, живое дѣлаетъ ихъ тѣмъ, что оно есть само, въ размноженіи все живое стремится повторять само себя. Все, съ чѣмъ организмъ вступаетъ во взаимоотношеніе, онъ стремится уподобить себѣ и, увеличиваясь въ объемъ и размножаясь, онъ стремится превращать въ себя все большее и большее количество вещества; могъ въ самое короткое время покрыть бы весь земной шаръ своимъ унылымъ покровомъ, если бы онъ не встрѣчалъ себѣ противодѣйствія со стороны другихъ растительныхъ организмовъ. Внѣшнія неблагоприятныя условія и противодѣйствія другихъ организмовъ препятствуютъ стремленію каждой органической особи уподобить себѣ окружающее. Многіе философы существеннымъ признакомъ организма считаютъ его стремленіе къ самосохраненію. Спенсеръ на этомъ началѣ пытается строить все зданіе философіи. Но самосохраненіе предполагаетъ собою косность и неподвижность, между тѣмъ организмъ непрестанно стремится расширить область своего существованія, чужое сдѣлать своимъ, мало этого—не себя сдѣлать собою.

Можетъ показаться, что данное опредѣленіе жизни не подходитъ ко многимъ животнымъ и человѣку: они растутъ не болѣе одной трети времени всей своей жизни и многіе изъ нихъ теряютъ способность размноженія задолго до смерти. Но прекращеніе роста не есть еще прекращеніе уподобленія себѣ окружающаго, а потеря способности къ размноженію есть уже признакъ умиранія, она не является нормальностью. Съ физической стороны жизнь всѣхъ организмовъ характеризуется уподобленіемъ организмомъ себѣ окружающаго: человѣкъ ѣстъ мясо быка и превращаетъ это мясо быка въ человѣческой и человѣческіе организмы; быкъ ѣстъ сѣно, и въ лабораторіи его организма сѣно превращается въ мясо; трава, изъ которой образуется сѣно, углекислоту воздуха, соли и воду земли уподобляетъ себѣ. Но если органическая жизнь стремится сдѣлать все подобною себѣ жизнью, то неорганическая природа безусловно

лишена этого стремленія. Этой природѣ дѣйствительно можно приписать стремленіе,—если только слово стремленіе идетъ въ данномъ случаѣ,—къ самосохраненію. Неорганический предметъ никогда не измѣнится самъ, если его не измѣнятъ внѣшнія условія.

Такимъ образомъ есть рѣзкій признакъ, проводящій демаркаціонную линію между неорганическимъ и органическимъ міромъ. Органический міръ люди издавна дѣлили на три основные типа: растенія, животныя и человѣкъ. Различіе между растеніями и животными таково: растенія лишены способности ощущеній, животныя владѣютъ этой способностью. Имѣть способность ощущеній—значитъ быть способнымъ чувствовать пріятное или непріятное, представлять такъ или иначе причины, вызывающія эти чувствованія, стремиться сохранять чувствованія пріятныя и устранять непріятныя. Сила и отчетливость ощущеній могутъ быть очень различными, и очень большими и очень малыми, но у растеній ихъ нѣтъ совсѣмъ, а у животныхъ—у различныхъ въ весьма различной мѣрѣ—онѣ существуютъ. Отсюда рѣзкое различіе между растительною и животною жизнью. Кромѣ животной жизни на землѣ существуетъ еще человѣческая. Какъ всегда человѣкъ сознавалъ различіе между растеніемъ и животнымъ, такъ онъ всегда сознавалъ различіе между животными и собою. Древніе греки называли животныхъ *ἄλογα*, что значитъ, что животныя безсловесны и безразумны. Животныя не владѣютъ способностью рѣчи, они издають звуки выражающіе чувства удовольствія и страданія, они кричатъ отъ страха и крикомъ извѣщаютъ о найденной добычѣ или о приближеніи врага; между животными есть способныя говорить, каковы попугаи, скворцы, и, однако, признакъ безсловесія всегда и безспорно приписывался животнымъ. Позволительно думать, что животныя не могутъ говорить потому, что не владѣютъ сознательнымъ мышленіемъ, мышленіе животныхъ бессознательно. Въ то время, какъ мы мыслимъ, мы можемъ наблюдать процессы нашего мышленія. Это—мышленіе сознательное. Человѣкъ пользуется и сознательнымъ и бессознательнымъ мышленіемъ и нетрудно путемъ самонаблюденія убѣдиться, что на долю послѣдняго приходится наибольшая часть человѣческой жизни. Животное владѣетъ исключительно бессозна-

тельнымъ мышленіемъ. Лань, преслѣдовавшаяся собаками и прыгнувшая черезъ пропасть, безъ сомнѣнія совершила сложный процессъ умозаключенія, прежде чѣмъ сдѣлать свой отчаянный прыжокъ. Но объ этомъ логическомъ процессѣ лань никогда не узнаетъ. Какъ сознательное, такъ и бессознательное мышленіе можетъ приводить къ ошибкамъ; поэтому человѣкъ приходитъ къ истинѣ или заблужденію двумя путями, а животное только однимъ. Не имѣя сознательнаго мышленія, животное не можетъ имѣть и языка. Въ словахъ языка выражаются логическія отношенія между понятіями, но животное, владея лишь бессознательнымъ мышленіемъ, никогда не наблюдаетъ такихъ отношеній и потому не можетъ выразить ихъ въ звукахъ.

Сознательнымъ мышленіемъ, однако, не исчерпывается то различіе, существованіе котораго между животными и собою всегда признавалъ человѣкъ. Говорятъ, что человѣкъ издавна считалъ себя царемъ природы, вѣнцомъ творенія, былъ убѣжденъ, что все сотворено его ради, и современные ученые усиленно стараются доказать, что человѣкъ ошибался, они поучаютъ человѣка, что земля не представляетъ собою центра вселенной, что созданія земли живутъ сами для себя, а не для человѣка. Но не въ своей силѣ, не въ своей свободѣ, не въ своей царственной власти надъ природою человѣкъ издавна полагалъ свое отличіе отъ животныхъ и свое превосходство надъ животными,—нѣтъ, такое отличіе онъ всегда полагалъ въ сознаніи своей подчиненности. Никакое изъ созданій живущихъ на землѣ, кромѣ человѣка, не признаетъ никакихъ иныхъ законовъ, кромѣ естественныхъ,—только духу человѣческому открываются непосредственно законы духовные, подчиняться которымъ онъ считаетъ себя обязаннымъ. Человѣкъ сознаетъ, что въ своемъ поведеніи онъ долженъ подчиняться нѣкоторымъ высшимъ законамъ, что не все равно полезное одинаково позволительно и не все дѣйствительное законно, человѣкъ отрицаетъ то, что есть, во имя того, что должно быть. Человѣкъ имѣетъ представленіе о вещахъ: одни изъ этихъ представленій онъ считаетъ истинными, другія ложными, онъ полагаетъ, что должно вторыя замѣнять первыми и заботиться объ умноженіи этихъ первыхъ; вещи, смотря по ихъ формѣ, онъ раздѣляетъ на красивыя и безобразныя и признаетъ,

что онѣ должны воплощаться въ красивой формѣ; наконецъ, дѣйствія людей онѣ подраздѣляетъ на добрыя и злыя и считаетъ обязанностью людей производить только первыя. Такъ, менѣе другихъ подчиненный власти природы, человекъ оказывается подчиненнымъ присущимъ его душѣ высшимъ стремленіямъ и признаваемой имъ высшей власти. Всегда и вездѣ, мы видимъ, человекъ пытался вступать во взаимоотношенія съ высшею властью, и эти взаимоотношенія названы *религіею*. Животныя отличаются отъ растений съ внѣшней стороны тѣмъ, что способны къ самопроизвольному движенію и издавать звуки, съ внутренней тѣмъ, что имѣютъ ощущенія; человекъ съ внѣшней стороны отличается отъ животныхъ тѣмъ, что имѣетъ языкъ, съ внутренней тѣмъ, что имѣетъ религію. Животныя имѣютъ жизнь душевную, человекъ имѣетъ жизнь духовную.

Различіе между неорганическою природою, растеніями, животными и человекомъ обуславливается не матеріею и ея структурою, а совсѣмъ инымъ. Органическій міръ стремится все захватить, все уподобить себѣ, этого стремленія абсолютно лишены міръ неорганической. Но далѣе: міры неорганической и растительный мы считаемъ неодушевленными и противопоставляемъ имъ міръ животныхъ и человека. Въ концѣ концовъ мы противопоставляемъ человека растеніямъ и животнымъ. Растенія и животныя передаютъ своему потомству лишь то, что получили отъ природы. Человекъ передаетъ дѣтямъ то, чему научился онъ въ теченіе жизни. Растенія и животныя только уподобляютъ себѣ окружающее, человекъ съ своей духовной стороны самъ стремится уподобиться существу совершеннѣйшему. Растенія и животныя тяготѣютъ лишь къ землѣ, человекъ хочетъ подняться къ небу.

Пусть человекъ по своей тѣлесной сторонѣ есть животное, пусть даже онъ, какъ говорятъ нѣкоторые зоологи, есть обезьяна. Это сходство по тѣлу есть только сходство аппаратуры, черезъ которые дѣйствуютъ совершенно различныя душевныя начала. Можно животныхъ научить издавать звуки въ телефонъ. Мы можемъ услышать въ телефонѣ собачій лай и послѣ этого немедленно въ телефонѣ тождественнаго устройства услышимъ человеческую рѣчь. Изъ тождества аппаратовъ во многихъ случаяхъ нельзя дѣлать

заключеніе къ тождеству тѣхъ, кто дѣйствуетъ черезъ аппараты. Какъ и наоборотъ, черезъ различные аппараты можетъ дѣйствовать одно и то же лицо.

Но если съ другой стороны тѣло есть аппаратъ, посредствомъ котораго дѣйствуетъ духъ, то съ другой стороны, само тѣло дѣйствуетъ на духъ, оно связано съ нимъ интимнѣйшимъ образомъ; оно есть единственный аппаратъ, посредствомъ котораго онъ дѣйствуетъ. Между тѣломъ и духомъ должна существовать специфическая связь. А такъ какъ человѣческій духъ есть нѣчто невыводимое изъ животнаго, то естественно заключеніе, что при всемъ кажущемся сходствѣ тѣло присущее человѣку должно обладать свойствами невыводимыми изъ тѣлесной природы животныхъ. Должно отрицать генетическую связь между человѣкомъ и остальнымъ животнымъ міромъ.

Этотъ выводъ изъ наблюденія надъ дѣйствительностью подтверждается самонаблюденіемъ или самосознаніемъ человѣка. Если бы человѣкъ былъ потомкомъ животнаго міра, онъ долженъ бы былъ съ безмѣрною гордостью смотрѣть на свое настоящее положеніе: какъ поднялся онъ интеллектуально и морально надъ павіанами, орангами, чимпанзе и гориллами, какія идеи породилъ его мозгъ, какія произведенія искусства создали его руки, какими истинами онъ овладѣлъ и какую правду просозналъ! Да, гордиться повидимому есть чѣмъ. Но странное дѣло: удѣломъ каждаго нормальнаго человѣка являются не гордость, а стыдъ и угрызенія совѣсти. Человѣкъ сознаетъ, что онъ—не то, чѣмъ долженъ быть; онъ сознаетъ, что онъ сдѣлалъ далеко не все то, что могъ и долженъ былъ сдѣлать. Говорятъ, онтогенетическій процессъ есть отраженіе или повтореніе филогенетическаго. Если это такъ, то повидимому дѣтство человѣка должно заключать въ себѣ черты гориллоподобнаго образа жизни его предковъ. Но дѣти выступаютъ предъ нами совсѣмъ съ иными чертами: они легко усвоятъ горячую вѣру въ Бога, увлекаются героическими идеями, легко поддаются власти ласки и любви. Состояніе дѣтства характеризуется, какъ состояніе невинности; причѣмъ понятіе невинности понимается не въ абсолютномъ смыслѣ: признается фактъ усвоенія дѣтми наслѣдственной нравственной порчи. Но и при внесеніи ограниченія въ понятія невинности,

виновности, добродѣтели и порока окажется, что сравнительно нормальный путь жизни человѣка слагается изъ такихъ трехъ стадій: невинность=добродѣтель безъ разума, виновность=разумъ безъ добродѣтели, раскаяніе или искупленіе=добродѣтель и разумъ Мы снова встрѣчаемся здѣсь съ тезисомъ, антитезисомъ и синтезисомъ Гегеля. И на самомъ дѣлѣ сначала довольствованіе немногимъ (въ дѣтствѣ), затѣмъ стремленіе захватить себѣ какъ можно больше земныхъ благъ и какъ можно легчайшими способами; въ концѣ концовъ, сознаніе суетности этихъ благъ и нечестности средствъ употребленныхъ для ихъ пріобрѣтенія.

Такъ, дѣйствительность и самонаблюденіе комментируютъ намъ библейское повѣствованіе о твореніи и паденіи человѣка и объясняютъ намъ нашу жажду искупленія. Эволюціонная теорія не объясняетъ дѣйствительности и стоитъ въ противорѣчій съ требованіями нравственного сознанія. Она не успокоиваетъ ума и не даетъ руководства для совѣсти. Но за всѣмъ тѣмъ естественно она имѣетъ и будетъ имѣть много приверженцевъ. Въ этомъ отношеніи судьба ея тождественна съ судьбою родственнаго ей матеріализма. Она проста, для усвоенія ея не требуется ни сильнаго напряженія ума, ни большихъ познаній. Ее легко пойметъ 12—13 лѣтній школьникъ. Но многіе люди на самомъ дѣлѣ не хотятъ расти послѣ этого возраста. Люди христіанскаго образа мыслей не послѣдуютъ за ними ни въ ихъ фактической косности, ни въ ихъ теоретической вѣрѣ въ безцѣльную эволюцію. Наблюденіе и самонаблюденіе побуждаютъ отвергать теорію, оправдывающую низменные инстинкты, какъ животное наслѣдство, и обезцѣнивающую нравственные подвиги, признаваемые ею неизбѣжнымъ продуктомъ эволюціи. Человѣчество въ той его части, которая характеризуется высоко развитымъ нравственнымъ сознаніемъ, всегда будетъ винить себя за прошлое (паденіе) и надѣяться на будущее (усвоеніе искупительнаго дѣла Христова).

С. Глаголевъ.
